

Г.О. Мацневский

РОЛЬ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XX в.

Исследуется позитивный опыт кубанского казачества в гармонизации межнациональных отношений и установлении добрососедских связей с народами северокавказского региона в 1990-е гг. На основе анализа документов региональных и федеральных архивов делается вывод о том, что с начала своего возрождения кубанское казачество позиционировало себя в качестве активного участника межнационального диалога, ориентированного на решение межэтнических проблем, достижения стабильности, мира и согласия во взаимоотношениях между народами.

Ключевые слова: современное казачество; кубанское казачество; возрождение казачества; межнациональные отношения; этносоциальные конфликты.

На протяжении веков, от времен Киевской Руси, Московского царства и Российской империи, наше государство формировалось как многонациональная, многоконфессиональная «цветущая сложность» (К. Леонтьев). В советский период было заявлено о решении межнациональных проблем путем формирования новой общности – советского народа. Однако системный кризис конца 1980-х гг., приведший к критике, а затем и разрушению практически всех сфер жизни советского общества, нашел свое продолжение и развитие в так называемом гуманитарном кризисе, проявившемся, в том числе, в росте агрессии и нетерпимости, деформации исторической памяти и негативном восприятии исторического опыта России, росте индивидуализма, разрыве социальных связей, атомизации общества [1. С. 6]. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. характеризуется все более разрастающимся кризисом межнациональных отношений практически во всех полиэтнических регионах СССР, резким увеличением активности различных национальных движений в союзных республиках в форме национальных фронтов. Внешние поводы для этого были самые разные: в Армении и Азербайджане – проблема Нагорного Карабаха, в Прибалтике – борьба за признание незаконным пакта «Риббентропа – Молотова» от 1939 г., в Молдавии – введение латинского алфавита и т.д. При этом национальные фронты основной и не всегда открыто декларируемой целью имели стремление к суверенитету и независимости от центральной власти, а идея «национального возрождения все ярче окрашивалась в политические цвета» [2. С. 240]. Например, М.Н. Губогло справедливо отмечает, что «в ходе реформационных процессов... не было кризиса отношений ни между нациями (этносами), ни между субъектами Российской Федерации. Была ожесточенная борьба за власть в Москве, борьба, которая обрела форму “перетягивания каната” между двумя ветвями власти – представительной и исполнительной – и экстраполировалась затем на периферию...», а потому «речь должна идти... о кризисе становления этнократических элит и ожесточающейся борьбе за передел власти и собственности, о кризисе федерально-территориальной политики, ярко проявляющемся в борьбе между вялым центром и энергичной периферией... и, наконец, о кризисе национальной политики, являющимся побочным продуктом кризиса власти,

особенно в ее идеологической и политической частях...» [3. С. 113].

Согласно «Обзорной справке национал-радикальных движений на Северном Кавказе», подготовленной, скорее всего, при участии представителей региональных силовых структур, на Северном Кавказе уже в августе 1989 г. началось объединение национал-радикальных движений, приведших к созданию «Ассамблеи горских народов Кавказа», в состав которой вошли представители Абхазии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Осетии, Чечено-Ингушетии», а в 1991 г. был подписан договор об образовании Конфедерации горских народов Кавказа (КГНК), в которой были «представлены 14 народов – абазинский, абхазский, аварский, адыгейский, даргинский, ингушский, кабардинский, карачаевский, лакский, осетинский, черкесский, чеченский, шапсугский, чечено-акинский» [4. Л. 4]. Кроме того, лидерами КГНК было заявлено о «создании кавказского легиона для защиты конфедерации от “имперских происков России”», а также о «выходе конфедерации из состава России» [4. Л. 4]. В программных документах КГНК говорилось, что «ее конечной целью является создание “независимого кавказского государства от Каспийского до Чёрного моря”» [4. Л. 4].

Страна постепенно втягивалась в межэтнические противостояния, начинались волнения в Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Абхазии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии. На этом фоне начинается процесс возрождения казачества, активный поиск им своего места в новой российской действительности.

На сегодняшний день серьезных работ, посвященных анализу вопросов, связанных с ролью современного казачества в гармонизации межнациональных отношений, пока нет. Отдельные фрагменты данной проблемы рассматриваются в исследованиях Г.С. Денисовой [5], Н.А. Шаожевой [6], А.В. Серикова [7], О.В. Вольтер [8], А.Ф. Григорьевой [9], А.К. Кулумбековой [10], М.М. Гаджиева [11], О.Н. Дроботенко [12], М.А. Махалкиной [13] и других ученых, однако осмысление позитивного опыта современного кубанского казачества в разрешении этносоциальных конфликтов и противоречий, чаще всего, остается вне рамок научных поисков. В связи с этим в данной статье планируется рассмотреть роль кубанского казаче-

ства в установлении добрососедских отношений с различными народами северокавказского региона.

К октябрю 1990 г. в 30 городах и районах Кубани уже действуют различные казачьи организации [14. Л. 84–86], 12–14 октября 1990 г. в г. Краснодаре открывается Учредительный съезд казаков Кубани. На нем присутствуют 455 делегатов от 48 районов края и 197 приглашенных в качестве гостей от партийных и государственных органов, представителей казачьих сообществ других регионов. На съезде принимается решение о создании общественно-патриотической организации казаков Кубани под названием Кубанская казачья Рада (ККР) [14. Л. 82]. Атаманом Рады избирается кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета Владимир Громов.

Съездом также принимаются «Основные принципы и направления деятельности Кубанской казачьей Рады», свидетельствующие о готовности ККР активно участвовать в жизни региона и проявляющие некоторые аспекты возрождения казачества. Заявляя о том, что сложившаяся социально-политическая и экономическая ситуация в стране «создает угрозу социальной защищенности, экономической стабильности, сохранению и дальнейшему развитию материальной и духовной культуры Кубанского казачества», Съезд определяет и программу деятельности ККР, в которой в том числе говорится: «...1. ККР обеспечивает свое влияние на общественную и экономическую жизнь края... через своих представителей в органах власти... Борется за широкое представительство казаков в Советах с целью формирования казачьего депутатского корпуса... 2. ...восстанавливает самобытное казачье самоуправление» [14. Л. 73–78]. В связи с этим предусматривается организационно объединить казаков-депутатов, «в каждом районе создать группы политической поддержки казаков-депутатов», а также «направлять наиболее подготовленных казаков для участия в советских, партийных, общественных дискуссиях, трибунах общественного мнения и “круглых столах”... с целью привлечения на свою сторону большинства населения Кубани» [14. Л. 78]. Анализ материалов Съезда позволяет говорить о том, что тяжелое социальное и экономическое положение казаков, а также стремление казачества играть более заметную роль в российском обществе стали значимыми факторами его возрождения в рассматриваемый период. При этом одной из важнейших задач своей деятельности казачьи организации видят в «укреплении мира и дружбы, предотвращении национальной розни и конфликтов между многонациональным населением» страны и регионов [15. Л. 3].

30 ноября 1990 г. на Совете Атаманов Союза казаков, проходившем в г. Краснодаре, была принята «Декларация казачества России». Основной идеей Декларации было заявление о «недопустимости реализации конституционных прав одних народов за счет грубого попрания таких же законных прав других народов и о недопустимости развала Союза ССР и России» [16. Л. 35]. Это было также одно из первых политических требований казачества, во многом предопределивших политический облик Союза казаков и поддерживающих его казачьих организаций.

Совет Атаманов также заявлял о том, что казачество «как и прежде, в годину смут и тяжких испытаний для России... готовы Верой и Правдой служить Отчизне» [16. Л. 35]. Текст «Декларации» свидетельствовал о понимании казачьими лидерами растущего авторитета казачьего движения и желании казачества принять активное участие в деле социально-экономического и политического обустройства страны. Кроме того, обострение межнациональных противоречий стало одним из факторов, предопределивших особенности развития казачьего движения на годы вперед.

Казачьи структуры постепенно налаживают самостоятельные контакты с представителями народов Северного Кавказа, в частности с Конфедерацией горских народов Кавказа. Устанавливают связи с органами государственной власти республик, краев, областей и неофициальные отношения с общественно-политическими организациями, все чаще выступая в качестве самостоятельного актора социально-политической сцены.

Стремясь сохранить межнациональный мир и согласие в регионе, кубанское казачество активно участвует в различных мероприятиях и акциях, ориентированных на установление и поддержание межнационального диалога, взаимообогащение культур народов, населяющих Кубань. При этом особый акцент делается на поддержание и развитие добрососедских, дружеских отношений с адыгским (черкесским) населением. В своем Обращении от 24 июня 1991 г. на имя Председателя Краснодарского крайисполкома Н.И. Горового и Председателя комиссии по межнациональным отношениям крайсовета А.Н. Ждановского члены общественных организаций «Джэнэджэж (Эхо)» и Кубанской казачьей Рады выступили с просьбой «оказать содействие в реализации программ по возрождению национальной культуры народов, проживающих на Кубани», в том числе посредством «выражения гуманного отношения к праху адыгского народа... оказания содействия по установлению местонахождения заброшенных адыгских (черкесских) кладбищ и их обустройства» [17. Л. 5]. По мнению инициаторов Обращения, такие действия будут укреплять межнациональный мир и согласие, «благородным эхом доноситься будущим векам», а значит, на «страницах истории переплетенных судеб двух народов будет меньше черных пятен...» [17. Л. 5]. Подписали данное обращение атаман Кубанской казачьей Рады В.П. Громов и председатель общественного объединения «Джэнэджэж» Х.К. Чемсо.

Важно отметить, что инициаторами в налаживании межкультурного диалога и преодолении негатива в отношениях между казаками и адыгами часто выступали и представители адыгской стороны. Так председатель Адыгэ-Хасэ, профессор А.Х. Каде в письме от 7.10.1992 г. от имени Правления Адыгэ-Хасэ предложил атаману Кубанской казачьей Рады В.П. Громову объявить совместный «конкурс на лучший учебник по истории Кубани», который должен был быть ориентирован на освещение добрососедских отношений народов региона, для чего «образовать конкурсную комиссию» и «определить призовой фонд» [17. Л. 50].

В воззвании «К соотечественникам» делегатов учредительной конференции Лиги Мира, подписанном Главой администрации Краснодарского края Н.Д. Егоровым, Президентом Республики Адыгея А.А. Джаримовым, атаманом Всекубанского казачьего войска В.П. Грозовым, архиепископом Екатеринодарским и Кубанским Исидором, а также общественными деятелями, ректорами вузов и деятелями культуры Кубани и Адыгеи говорилось о том, что в условиях, когда на Северном Кавказе братоубийство уносит жизни людей, «в межнациональных конфликтах разрушается доверие между народами, выстраданное и завещанное нам предками», вступившие в Лигу Мира принимают обязательства «никогда и ни при каких условиях не применять насилия как способ разрешения конфликта; никогда и ни при каких условиях не призывать к насильственным действиям» [15. Л. 61, 64–65].

В целях реализации заявленных обязательств делегаты конференции рассмотрели и приняли проекты программ: «Развитие и взаимообогащение этнокультур», ориентированную на содействие формированию национального самосознания и более полному развитию и взаимообогащению национальных культур; «Межнациональный диалог», целью которой являлось «достижение и сохранение гражданского, межнационального мира путем переговоров и консультаций между властными структурами, общественными организациями, движениями и партиями, народной дипломатии, контактов простых людей» [15. Л. 74]. Интересно, что реализация данных программ предполагалась, прежде всего, за счет «проведения переговоров между представителями Республики Адыгея, Адыгэ-Хасэ, Всекубанским казачьим войском и другими казачьими объединениями...» [15. Л. 75].

Одной из значимых форм межкультурного взаимодействия казачества и адыгов, «укрепления дружбы и взаимопонимания между адыгским и русским народами» с начала 1990-х гг. становится региональный фестиваль казачьей песни, организуемый в пос. Тульском Управлением культуры Майкопского района Республики Адыгея, на территории которого традиционно располагался Майкопский отдел Кубанского казачьего войска, и финансируемый как по линии Министерства культуры Республики Адыгея, так и Всекубанским казачьим войском [18. Л. 2]. Постепенно данный фестиваль становится традиционным фестивалем казачьей культуры и в его рамках начинают проводиться научно-практические конференции, на которых рассматриваются различные аспекты самобытной кубанской казачьей культуры, этнодемографических особенностей формирования кубанского казачества, взаимоотношений народов и культур, исторически представленных в регионе. В 1999 г. на базе фестиваля была образована Кубанская ассоциация «Региональный фестиваль казачьей культуры», учредителем которой стали: Министерство культуры Республики Адыгея, Кубанское казачье войсковое общество, Кубанский казачий хор, администрация г. Майкопа, администрация Майкопского района, администрация Тульского городского поселения, Союз славян Адыгеи, Конгресс русских общин. До сего-

дняшнего дня Ассоциация продолжает проводить фестивали казачьей культуры и научно-практические конференции.

В Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии взаимоотношения казаков, русскоязычного населения с местными народами складывались не так гармонично. Так на территории этих северокавказских республик в начале 1990-х гг. появляется ряд общественно-политических объединений и организаций (например, балкарское «Тёре», кабардинское «Адыгэ хасэ», карачаевское «ДЖАН» и др.), деятельность которых зачастую приводит к обострению межнациональной обстановки в регионе. В Уставе организации «ДЖАН» заявлялось, что это «независимая и свободная, общественно-политическая, народно-представительская, территориальная организация молодежи бассейна реки Джегута», созданная для того, чтобы «вести борьбу по возвращению исконных земель Джегутинского общества», а также «вести борьбу и разъяснительную работу за возвращение исторических земель Карачая в рамках чехов последнего вождя ханства Темир-Болата с его кыпчакско-хунским населением, являющимся прямыми предками кабардинцев и балкарцев» [17. Л. 35].

К русскому и другим народам, «осевшим на территории Северного Кавказа в результате захватнической политики Российской империи, ДЖАН на данном этапе истории относится с должным пониманием и спокойствием...», однако «сторожевой пес царского самодержавия “казачество” рассматривается ДЖАНом сегодня в попытках его возрождения как исторический анахронизм», состоящий из «бандформирований, потерявших славянскую сущность, сильно оторкизированных, одетых в амуницию, являющуюся пародией на старую кавказскую или точнее хазарскую форму и проповедующая при этом языческую тюркофобию, они представляют собой наглядный пример паразитически адаптировавшегося к местным условиям контингента отсталой нации...» [17. Л. 36]. А потому, как следует из текста Устава, места казачеству на территории «карачаевского суверенитета» нет, да и смысловая граница между «пониманием и спокойствием» и «борьбой по возвращению исконных земель» по отношению к русскому и другим народам скоро сместится к последнему.

Согласно Краткой исторической справки «Основные этапы возрождения казачества в Балкарии», подготовленной атаманом Союза казаков Балкарии С.С. Сибиряткиным, Военно-исторический клуб «Казачья слава», образованный 4 октября 1990 г., «под давлением городских властей вынужден изменить свое название “в связи с общей общественно-политической обстановкой в республике и городе”. Нам отказали в регистрации, потребовали исключить из названия “военно”, “клуб”, “Казачья слава”, а оставить “Исторический кружок” типа школьного во избежание конфронтации с местным населением... Под давлением национальных общественно-политических организаций “Тёре” (балкарский форум) и “Адыгэ хасэ” (кабардинское вече) с 05.11.1990 г. Военно-исторический казачий клуб перешел на полуполицейную работу» [14. Л. 185–185 об.]. В письме от 14 декабря 1990 г. одного

из активных деятелей возрождения казачества в Кабардино-Балкарии, участника воссоздания Терско-Малкинского казачьего отдела, председателя Совета общественно-политического объединения «Славяне», старшего научного сотрудника НИИ истории, филологии и экономики (г. Нальчик) Ф. Безродько говорится о том, что «действующее в Нальчике и опирающееся на инициативные группы в других городах объединение “Славяне” переживает далеко не лучшие дни», хотя еще «три года назад в межнациональных отношениях не чувствовалась напряженность» [15. Л. 2]. Теперь же из уст лидеров кабардинского объединения «Адыгэ хасэ» и в печати открыто звучат угрозы: «Адыги имеют право, могут и должны потребовать возвращения захваченных территорий, выселения с них русского населения, а также выхода из РСФСР» [15. Л. 2]. В связи с этим Ф. Безродько просит взять под защиту «Кубанской казачьей рады и ее атамана В.П. Громова, Адыгейского и Майкопского Советов общественных организаций “Адыгэ хасэ” и лично их председателей А. Схалыхо и Н. Куека» все русскоязычное население Кабардино-Балкарской АССР [15. Л. 3]. Из текста письма явствует, что с самого начала своего возрождения кубанское казачество воспринималось русскоязычным населением северокавказских республик в качестве реальной силы, способной оказывать достаточно явное влияние на развитие межнациональных отношений в регионе.

Не рассчитывая на помощь федерального центра в деле защиты русскоязычного населения в многонациональных регионах, казачество само пытается оказывать влияние на преодоление межнациональных конфликтов. Для этого руководство кубанских казачьих организаций в лице Войскового атамана и Войскового правительства активно взаимодействует с руководством северокавказских республик. В мае 1990 г., в ответ на обострение межнациональных отношений в Чечено-Ингушетии, атаман Кубанской казачьей Рады В.П. Громов в своей телеграмме на имя Председателя Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики Д.Г. Завгаева и Председателя Совета министров Чечено-Ингушской Республики С.М. Бекова предлагает «в условиях сложившейся конфликтной ситуации на Сунже... создать Сунженский автономный национальный район, гарантирующий права и защищенность русского казачьего населения», а также «ввести войска в станицы» [17. Л. 1]. В 1994 г. в адрес Председателя Совета министров Карачаево-Черкесской Республики В.И. Хубиева было направлено Письмо от 21.06.1994 г. № 405, в котором отмечалось, что «вопреки решению схода граждан и казаков в станице Зеленчукской Баталпашинского казачьего отдела власти Карачаево-Черкесии содействуют строительству в станице мечети, в то время как в окружающих аулах мечетей предостаточно и во время служений они практически пусты», а потому «казаки станицы Зеленчукской решительно отвергают эту идею и не приемлют ее, усматривая в этом исламистские устремления и вызов их национальным и религиозным чувствам» [18. Л. 3]. В связи с этим Войсковое правительство Всекубанского казачьего войска обращает внимание на то, что «это может привести к

усложнению межнациональных отношений, нарушению стабильности в регионе» [18. Л. 3], что не в интересах ни карачаево-черкесского, ни казачьего населения республики.

В ответ на дальнейшее обострение межнациональных отношений на Северном Кавказе, в связи с наведением конституционного порядка в Чеченской республике, казаки начинают выступать с инициативой «формирования отдельных казачьих батальонов по охране особо важных объектов и границ края [Краснодарского] и приведении их в боевую готовность (призыв, комплектование, боевая слаженность)» [19. Л. 12]. В Обращении на имя Президента РФ Б.Н. Ельцина (исх. № 44 от 31 января 1995 г.) Председатель комитета по вопросам местного самоуправления Законодательного собрания Краснодарского края, Войсковой Атаман Всекубанского казачьего войска, казачий полковник В.П. Громов отмечает, что «военный конфликт в гор. Грозном, своевременно не локализованный, расширился и охватил Чеченскую Республику», а потому «не просматривается гарантий стабильности на Кубани и в Адыгее уже в ближайшей перспективе. А в связи с недавними открытыми угрозами Д. Дудаева казачество и весь народ Кубани высказывают беспокойство о судьбах региона» [19. Л. 12]. Перед лицом такой опасности «казаки вправе упредить разгул национализма и экстремизма на Кубани», так как «дальнейшее промедление в создании и подготовке казачьих формирований [военизированных] чревато тяжелейшими последствиями не только для Кубани, но и всего нашего Отечества» [19. Л. 12].

Примечательно, что практически во всех своих обращениях и письмах к руководству государства казаки заявляют о своей готовности «служить верой и правдой интересам государства, охранять неприкосновенности его границ, выступать гарантом общественной стабильности...» [19. Л. 7–8]. В «Обзорной справке национал-радикальных движений на Северном Кавказе» подтверждалось, что «в настоящее время реальной силой, которая может противостоять национал-радикальным движениям Северного Кавказа, является казачество, выступающее под лозунгом защиты русского населения в регионе» [4. Л. 7]. Однако, как отмечали сами представители возрождаемого казачества в письме, подготовленном на имя Президента РФ В.В. Путина в 2002 г., «потенциал казачества задействован государством значительно меньше возможного», в связи с чем «очень важно определить место казачества в решении этнических проблем», так как «история Юга России знает немало примеров мирного урегулирования казаками национальных конфликтов...» [20. Л. 94].

Таким образом, с самого начала своего возрождения кубанское казачество позиционировало себя в качестве активного участника межнационального диалога, ориентированного на решение межэтнических проблем, достижение стабильности, мира и согласия во взаимоотношениях между народами. При этом подчеркивалось, что достижение гражданского и межнационального мира возможно, прежде всего, путем переговоров и консультаций между общественными организациями, движениями и партиями,

народной дипломатии, контактов простых людей. В целях реализации заявленных идей, казачество принимало активное участие в различных мероприятиях и акциях, направленных на установление и поддержание добрососедских отношений, взаимообогащение культур народов, населяющих Кубань. В рамках фестивалей народных культур организовывались выставки и концерты, проводились фольклорно-этнографические исследования этнических культур, научные конференции и форумы. При этом особый акцент делался на поддержание и развитие добрососедских, дружеских отношений с адыгским (черкесским) населением региона. Кроме того, руководство

казачьим движением, выступая в роли защитника интересов всего русскоязычного населения Северного Кавказа, в условиях нарастания межэтнической напряженности выступало с требованиями к руководству северокавказских республик мирного решения территориальных, политических, этнических и иных проблем, а в случае необходимости предлагало Президенту и Правительству России использовать и силовой потенциал казачества путем создания казачьих воинских частей и соединений. Несомненно, что такая политика сыграла свою положительную роль в гармонизации межнациональных отношений в полиэтническом северокавказском регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении основ государственной культурной политики» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 17.10.2018).
2. Пайн Э.А. Этнополитические перспективы России: от проблем выживания к проблемам развития // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1996. С. 238–247.
3. Губогло М.Н. Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 112–114.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 1843. Оп. 1. Д. 102.
5. Денисова Г.С. Межэтнические отношения в Южном федеральном округе: основные проблемы в условиях санкционной политики (по материалам этнополитического мониторинга) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 38–42.
6. Шаожева Н.А. Казачество в современной Кабардино-Балкарии: ресурс этнополитической стабильности (по материалам социологического исследования) // Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели : материалы Всерос. конф. с междунар. участием. Нальчик, 2017. С. 258–262.
7. Сериков А.В. Влияние уровня гражданской идентичности на экстремизацию межнациональных отношений в регионе // Вестник РАЕН. 2013. № 3. С. 35–39.
8. Вольтер О.В. Казачество как фактор межнациональной стабильности России в контексте современной геополитики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15, № 1. С. 86–89.
9. Григорьев А.Ф. Роль казачества в вопросе межнациональных отношений: вызовы – задачи – перспективы // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. 10–14 октября 2014 г. / под ред. А.Н. Рябикова, Т.Г. Письменной, Е.В. Манузина. 2014. С. 42–46. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22868563>
10. Кулумбекова А.К. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе в начале XX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 2. С. 109–116.
11. Гаджиева М.М. Межнациональные отношения на Северном Кавказе в историческом ракурсе: основные факторы формирования // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2.
12. Дроботенко О.Н. Кубанское казачество как фактор национальной безопасности юга России // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2016. № 4.
13. Махалкина М.А. Участие кубанских казаков в региональных конфликтах на постсоветском пространстве (на примере войн в Приднестровье и Абхазии в 1990-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10144. Оп. 1. Д. 6.
15. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 14.
16. ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 12.
17. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 16.
18. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 79.
19. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 89.
20. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 213.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 августа 2019 г.

The Role of the Kuban Cossacks in the Harmonization of Interethnic Relations in the Late Twentieth Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 156–161.

DOI: 10.17223/15617793/454/18

German O. Matsievsky, Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism (Krasnodar, Russian Federation).

E-mail: matsievski2004@mail.ru

Keywords: modern Cossacks; Kuban Cossacks; revival of Cossacks; interethnic relations; ethno-social conflicts

The object of the study is the Kuban Cossacks of the late 1980s and the 1990s. The article aims to identify the positive experience of the Kuban Cossacks in harmonizing interethnic relations and establishing good neighborly relations with different nations of the North Caucasus region on the basis of an extensive and representative circle of documents from regional and federal archives. The post-perestroika period in the history of Russia is characterized by a growing crisis of interethnic relations in all multi-ethnic regions, a sharp increase in the activity of various national movements and associations. The country is gradually drawn into interethnic confrontations; unrest begins in Chechen-Ingushetia, North Ossetia, Abkhazia, Karachay-Cherkessia, Kabardino-Balkaria, Adygea, and other regions. At this time, the revival of the Cossacks and the active search for their place in the new Russian reality begin. In October 1990, at the Constituent Congress of the Cossacks of the Kuban, a decision was made to create the Kuban Cossack Rada, a social-patriotic organization. At the congress, it was also stated that Cossack organizations consider the strengthening of peace and friendship, the prevention of national hostility and conflicts between the multinational population of the country and the regions as some of the most important tasks of their activities. The study concludes that from the very beginning of their revival, the Kuban Cossacks positioned themselves as active participants in interethnic dialogue, focused on solving interethnic problems,

achieving stability, peace and harmony in relations between nations. During the period under review, the Cossacks took an active part in various events and actions aimed at establishing and maintaining good neighborly relations, mutual enrichment of the cultures of various nations living in the Kuban. In addition, the leadership of the Cossack movement acted as a defender of the interests of the Russian-speaking population of the North Caucasus in the face of the growing interethnic tensions, came up with demands for the leadership of the North Caucasian republics to resolve territorial, political, ethnic and other problems peacefully. If necessary, they offered the president of Russia to use the power potential of the Cossacks by creating Cossack military units and formations. Such a policy had a positive role in harmonizing interethnic relations in the multi-ethnic North Caucasus region.

REFERENCES

1. Kremlin.ru. (2014) *Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014, No. 808 "On Approval of the Foundations of the State Cultural Policy"*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208>. (Accessed: 17.10.2018). (In Russian).
2. Pain, E.A. (1996) *Etnopoliticheskie perspektivy Rossii: ot problem vyzhivaniya k problemam razvitiya* [Ethno-Political Prospects of Russia: From Problems of Survival to Problems of Development]. In: Zaslavskaya, T.I. (ed.) *Kuda idet Rossiya? Sotsial'naya transformatsiya postsovet'skogo prostranstva* [Where Is Russia Going? Social Transformation of the Post-Soviet Space]. Moscow: Aspekt Press. pp. 238–247.
3. Guboglo, M.N. (1995) *Tri linii natsional'noy politiki v postkommunisticheskoy Rossii* [Three Lines of National Policy in Post-Communist Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 112–114.
4. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 1843. List 1. File 102.
5. Denisova, G.S. (2015) *Interethnic Relations in the Southern Federal District: Major Issues in the Context of Sanctions Political Regime (Based on the Results of Ethno-Political Monitoring). Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 24. pp. 38–42. (In Russian).
6. Shaozheva, N.A. (2017) *Kazachestvo v sovremennoy Kabardino-Balkarii: resurs etnopoliticheskoy stabil'nosti (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya)* [Cossacks in Modern Kabardino-Balkaria: A Resource of Ethno-Political Stability (Based on Materials From a Sociological Study)]. *Ustoychivoe razvitie: problemy, kontseptsii, modeli* [Sustainable Development: Problems, Concepts, Models]. Conference Proceedings. Nal'chik: Kabardino-Balkarian Scientific Center RAS. pp. 258–262. (In Russian).
7. Serikov, A.V. (2013) *The Influence of Civil Identity Level on Extremization of the International Relations in the Region. Vestnik RAEN – Bulletin of Russian Academy of Natural Sciences*. 3. pp. 35–39. (In Russian).
8. Vol'ter, O.V. (2015) *Kazachestvo kak faktor mezhnatsional'noy stabil'nosti Rossii v kontekste sovremennoy geopolitiki* [Cossacks as a Factor of Interethnic Stability in Russia in the Context of Modern Geopolitics]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya – Izvestiya Saratovskogo Universiteta. New series. Series: Sociology. Politology*. 15 (1). pp. 86–89.
9. Grigor'ev, A.F. (2014) [The Role of the Cossacks in the Issue of Interethnic Relations: Challenges – Tasks – Prospects]. *Severnyy Kavkaz: problemy i perspektivy razvitiya etnokontfessional'nykh otnosheniy* [North Caucasus: Problems and Prospects of the Development of Ethno-Confessional Relations]. Conference Proceedings. Slavyansk on Kuban: Kuban State University Slavyansk on Kuban Branch pp. 42–46. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22868563>. (In Russian).
10. Kulumbekova, A.K. (2010) *Terskoe kazachestvo v mezhnatsional'nykh otnosheniyakh na Severnom Kavkaze v nachale XX v. [Terek Cossacks in Interethnic Relations in the North Caucasus at the Beginning of the Twentieth Century]. Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 2. pp. 109–116.
11. Gadzhieva, M.M. (2016) *Interethnic Relations in the North Caucasus in Historical Perspective: The Main Factors of Development. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 2. (In Russian).
12. Drobotenko, O.N. (2016) *Russia's National Ideology in the Context of World Development. Ekonomika. Pravo. Pechat'. Vestnik KSEI*. 4. (In Russian).
13. Makhalkina, M.A. (2013) *Participation of Kuban Cossacks in the Regional Conflicts in the Post-Soviet Space (Case Study of the Wars in Transnistria and Abkhazia in 1990s). Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 12. (In Russian).
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10144. List 1. File 6.
15. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 1843. List 1. File 14.
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10144. List 1. File 12.
17. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 1843. List 1. File 16.
18. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 1843. List 1. File 79.
19. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 1843. List 1. File 89.
20. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 1843. List 1. File 213.

Received: 25 August 2019